

Н.И. Ивановский

**Два чтения по старообрядческому
расколу**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Н11

Н11 **Н.И. Ивановский**
Два чтения по старообрядческому расколу / Н.И. Ивановский – М.: Книга по Требованию,
2024. – 76 с.

ISBN 978-5-458-09171-8

1) Старообрядчество и раскол. [Публичное чтение во Владимирской читальне г. Казани]. 2) Старообрядческое бегунство в его прошлом и настоящем. [Публичная лекция, чит. в Казани, в зале Гор. думы в 1891 г.]

ISBN 978-5-458-09171-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

смыслахъ. Здѣсь слушающій чувствуетъ и видитъ, что оба спорящіе говорятъ какъ будто правду, хотя не понимаетъ того, что въ сущности говорятъ они не объ одномъ, а о разныхъ предметахъ. Бываетъ, съ другой стороны, что обличающій не желаетъ проникнуть въ точный смыслъ противника, выводитъ изъ его разсужденій такія положенія, какихъ тотъ и не имѣлъ совсѣмъ въ виду, а сдѣлавъ это, начинаетъ съ жаромъ опровергать то, чего никогда не доказывалъ противникъ. Это значитъ, какъ говорятъ,—„сражаться съ вѣтрыными мельницами“. Слушатель непонимающій просто удивляется нелѣпости противника, слушатель понимающій удивляется, наоборотъ, бесплодной и ничѣмъ невызываемой энергіи обличителя; обличаемый же остается спокойнымъ и совершенно нетронутымъ. Случается, что вслѣдствіе неуясненности понятія извѣстное положеніе обобщается и доводится до крайности, и обличитель начинаетъ утверждать такія мысли, какихъ онъ никогда не высказалъ-бы, если бы не имѣлъ въ виду поразить противника, а только захотѣлъ бы уяснить и развить съ положительной стороны ту, или другую мысль.

Случается, что то или иное выраженіе, употребляемое не въ точномъ, (соотвѣтствующемъ понятію этого выраженія), а въ принятомъ, условномъ смыслѣ, иными осуждается по этому условному смыслу, а другое, наоборотъ, не могущее по существу дѣла заслуживать одобренія,—на основаніи также общепринятаго условнаго смысла,—оправдывается и похваляется.

Словомъ: благодаря неточности опредѣленія понятій и словъ, которыми мы располагаемъ, и которыя употребляемъ, происходитъ многое множество разнаго рода ошибокъ, фальши и ненужныхъ препирательствъ.

Такимъ образомъ, азбука съ этой стороны является для насъ уже далеко неизлишнею, и наша скромная задача получаетъ и научное и жизненное значеніе.

Къ числу такихъ неоднородныхъ и неоднoкачественныхъ по существу, но часто смѣшиваемыхъ и отождествляемыхъ въ сознаніи многихъ понятій, принадлежатъ понятія *старообрядства* и *раскола*. Кто не знаетъ, какъ часто одно изъ этихъ названій замѣняется другимъ:—расколъ называется старо-

обрядствомъ, а иногда и старообрядство называется расколомъ, и все это часто дѣлается безотчетно и непродуманно, иногда же изъ простой вѣжливости или, наоборотъ, изъ видовъ ревности по Церкви.

Если бы все ограничивалось проявленіями простой вѣжливости съ одной стороны, или понятнымъ и законнымъ чувствомъ ревности по прав. церкви съ другой, то важности въ томъ ни какой бы и не было. Но дѣло въ томъ, что нерѣдко это замѣненіе одного названія другимъ дѣлается преднамѣренно съ цѣлю придать самому явленію видъ благонадежности, или подозрительности. Затѣмъ, неточность и неуясненность означенныхъ понятій не ограничивается простымъ словеснымъ обмѣномъ, а переходитъ въ литературу и даже науку, отражается на тѣхъ, или другихъ практическихъ стремленіяхъ и вредитъ во многихъ отношеніяхъ дѣлу, возбуждал ненужныя препирательства и подозрительность къ явленіямъ на самомъ дѣлѣ безразличнымъ, а иногда и заслуживающимъ даже уваженія.

Возьмемъ понятіе *старообрядства*. Всѣмъ, вѣжеству, кажутся, извѣстно, какіе признаки входятъ въ это понятіе; это:—двуперстное сложеніе для крестнаго знаменованія, сугубая аллилуія, посолонное хожденіе, седмипросфоріе, чтеніе „обрадованная“, вмѣсто благодатная,—въ вѣки, по чину, употребленіе лѣстовокъ и подручниковъ и прочее тому подобное. Но такъ какъ всѣ упомянутые признаки со второй половины 17-го столѣтія стали достояніемъ людей, отдѣлившись отъ православной церкви, то самое это понятіе часто стали отождествлять съ понятіемъ *раскола* и называть эти признаки признаками раскола.

Вышло такимъ образомъ смѣшеніе старообрядства съ расколомъ. Признаки старообрядства стали называть „мнѣніями раскольническими“ и, какъ такия, стали стремиться опровергать ихъ, т. е. доказывать, что вышепоименованные обряды не суть *старые*, а относительно *новые*; явилась борьба на почвѣ археологіи, борьба трудная, и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ малоуспѣшная, т. е. малоубѣдительная. Мало того: на всякаго, кто крестился и крестится двуперстно, стали смотрѣть подозрительно; всякаго кто сказалъ-бы слово въ защиту дву-

перстія съ точки зрѣнія исторической, стали заподозрѣвать въ намѣренной тенденціозности и неблагонадежности. При этомъ въ средѣ многихъ долго держалось, если и теперь еще не держится, убѣжденіе, что допущенное Церковію Единовѣріе составляетъ нѣчто въ родѣ скрытаго раскола,—убѣжденіе, *логически вытекающее* изъ смѣшенія съ расколомъ самаго *старообрядства*. Въ самомъ дѣлѣ, легко примѣтить, что неточное установленіе понятія *старообрядства*, привнесеніе въ это понятіе признаковъ раскола, сообщаетъ двусмысленный взглядъ не только на Единовѣріе, какъ на нѣчто худшее православія, но и набрасываетъ тѣнь на всю отечественную церковь, по меньшей мѣрѣ, первой половины 17-го столѣтія.

Держащійся такого взгляда и логически разсуждающій человекъ не въ состояніи совершенно разсѣять этотъ туманъ,—хотя онъ видитъ, что и церковь послѣ-Никоновская, всегда чтла и чтитъ церковь до-Никоновскую, исповѣдуетъ ее вполнѣ православною и святою. Правда, людьми стремящимися во чтобы ни стало, и при означенномъ взглядѣ, выдти изъ неизбѣжныхъ противорѣчій проводилась такая мысль, и въ доказательство чистоты и православія до-Никоновской церкви выставлялось такое доказательство, что предки наши держались отмѣненныхъ при п. Никонѣ „неправильныхъ“ обрядовъ *по невѣдѣнію*. Но если въ самомъ понятіи старообрядства содержатся признаки *раскола*, то понятно, что это доказательство служитъ еще недостаточною защитою, ибо и грѣхъ невѣдѣнія есть все-таки грѣхъ. Вотъ почему современная церковная власть нашла благопотребнымъ въ лицѣ собиравшихся въ 1885 г. въ Казани архипастырей,—не находя и нужнымъ говорить о церкви древней,—выразить *относительно Единовѣрія*, что оно „составляетъ единую съ православною *святою соборною, апостольскою церковью*“. Взглядъ этотъ утвержденъ и Св. Синодомъ.

Итакъ, старообрядство есть послѣдованіе церковной старинѣ въ той области, которая касается не существа вѣры, а внѣшней церковной жизни, т. е. всего того, что относится до церковнаго чина и благоукрашенія, а равно и до церковныхъ обычаевъ. Но является при этомъ вопросъ болѣе слож-

ный и затруднительный:—какъ смотрѣть на оное, какъ цѣнить его, какое значеніе ему придавать? Вопросъ этотъ разсматривается съ разныхъ точекъ зрѣнія и потому рѣшается неодинаково.

1) Есть точка зрѣнія раскольническая. Съ этой точки зрѣнія старообрядство есть *старовѣріе* (выраженіе также не вѣрное, хотя и употребляемое даже нераскольниками). А такъ какъ старина въ вѣрѣ есть истина и новаго въ ней ничего не можетъ быть, то ясно, что *старообрядство* является исключительно истиннымъ и спасительнымъ. Все другое, нестарообрядство будетъ ложнымъ, нетерпимымъ, отъ чего всячески слѣдуетъ удалиться. На языкѣ же точномъ этотъ взглядъ и это отношеніе ко всему нестарообрядческому слѣдуетъ называть не старовѣріемъ, а *обрядовѣріемъ*. Такой взглядъ, по самому существу дѣла, — взглядъ неправильный, слишкомъ узкій. Здѣсь обрядъ отождествляется съ вѣрою, и вѣра дѣлается не исповѣданіемъ бытія и промысленія Божія, Его свойствъ существенныхъ и личныхъ, не чаяніемъ воскресенія мертвыхъ и жизни будущаго вѣка и т. п., а вѣрою во внѣшнее, вѣрою въ персты и другіе обряды. Съ этой стороны еще св. Димитрій Ростовскій справедливо назвалъ вѣру раскольниковъ неправую (Розыскъ, ч. I).

2) Существуетъ на старообрядство нѣсколько иная точка зрѣнія, которую можно назвать *національною* или *народною*. Здѣсь старообрядство является почтеннымъ слѣдованіемъ нашей русской старинѣ, какъ протестъ противъ увлеченія новшествами. Здѣсь—привязанность къ тому, къ чему съ пеленовъ мы привыкли, чѣмъ жили и руководились наши отцы и дѣды, при чемъ спасались и Богу угождали наши чтимые предки.

Такимъ образомъ здѣсь выступаетъ, выражаясь языкомъ нѣсколько мудреннымъ и, можетъ быть, не всѣмъ понятнымъ, *національный консерватизмъ*, т. е. охраненіе и строгое слѣдованіе народнымъ преданіямъ и обычаямъ. Съ этой стороны есть свои относительные резоны, по которымъ старообрядство является многимъ очень симпатичнымъ.

Но оставимъ въ сторонѣ вопросъ о томъ, насколько вѣрно положеніе, будто двушерстіе, сугубая аллилуія, посолоніе и

прочее суть обряды народные и потому высоко цѣнимые, или, какъ выражаются, другіе,—обряды мѣстные. Обратимъ вниманіе на тѣ выводы, какіе изъ этой мысли дѣлаются. Замѣчательно, что выводы эти совершенно противоположны. Одни, выходя изъ мысли, что означенные обряды суть обряды народные, проводили нѣкогда мысль, что народъ былъ и долженъ быть признанъ исконнымъ охранителемъ этихъ обрядовъ (Верховскій); многіе же и теперь утверждаютъ, что они въ силу своей народности должны быть *неприкосновенны, какъ народная святыня*. Такимъ образомъ является опять неприкосновенность, т. е. неизмѣнимость обрядовъ, по крайней мѣрѣ безъ согласія народа, и церковная власть съ присутіемъ ей правами отодвигается на второй планъ, если еще не далѣе. Другіе, выходя изъ того же представленія, что бывшіе у насъ обряды были народными, русскими и значить только обрядами мѣстной церкви, развиваютъ мысль о необходимости приведенія этихъ обрядовъ въ единство съ обрядами церкви вселенной. Такимъ образомъ, національность обрядовъ является уже не достоинствомъ, а недостаткомъ, который не поддерживать, а устранить нужно; здѣсь вмѣняется сіе уже въ *непремѣнную обязанность* церковной власти. Отголоски, или точнѣе, предголоски обоихъ этихъ взглядовъ, хотя въ гораздо болѣе смягченной формѣ (и особенно относительно перваго взгляда), мы находимъ и у представителей церкви вселенской, патріарховъ. И прежде всего и въ болѣе опредѣленномъ видѣ мы видимъ наставленіе константинопольскаго патріарха Іереміи въ граматѣ, по поводу учрежденія въ Россіи патріаршества, да во всемъ православная Россія будетъ согласна съ Греціею. За тѣмъ, іерусалимскій патріархъ Теофанъ, хотя и хвалилъ русское благочестіе и называлъ Москву третьимъ Римомъ (см. въ Кормчей); но въ то-же время „укрѣпляше единомудрствовати, о еже держатися старыхъ законовъ греческаго православія и древнихъ уставовъ четырехъ патріаршествъ не отлучатися“ (Житіе преп. Діонисія, архимандрита Троицкой лавры). Въ частности онъ убѣдилъ російскаго патріарха Филарета, въ цѣляхъ согласованія съ греческимъ обрядомъ, отложить обычай трикратнаго въ таинствѣ евхаристіи подаванія св. Да-

ровъ и замѣнить его единократнымъ, какъ это совершалось тогда на всемъ православномъ востоѣ, преслушателямъ же угрожалъ отлученіемъ отъ Св. Причащенія (см. твор. св. Отцевъ, 1891 г., кн. I, стр. 217—220 и въ примѣчаніи). Этотъ взглядъ, — приведенія въ согласіе мѣстныхъ русскихъ обрядовъ съ обрядами церкви восточной, проводили, какъ извѣстно, немного послѣ, патріархъ іерусалимскій Паисій, митрополитъ Назаретскій Гавріилъ и другіе іерархическіе лица, убѣдившіе п. Никона вступить на этотъ путь. Съ другой стороны патріархъ константинопольскій Паисій признавалъ законность и возможность существованія обрядовъ мѣстныхъ. Въ своей грамотѣ на имя патріарха Никона, подписанной 98 святителями и другими духовными должностными лицами великой Константинопольской церкви, онъ писалъ: „если случится, что какая-нибудь церковь будетъ отличаться отъ другой какими-либо порядками неважными и несущественными для вѣры; на примѣръ: время совершенія литургіи, или вопросъ о томъ, какими перстами долженъ благословлять священникъ и т. п.; то это не должно производить никакого раздѣленія“ („Христ. Чт.“ 1881 г., № 3—4). Такимъ образомъ, если и признавать наши, такъ называемые, „старше“ обряды обрядами *національными*, или что тоже *мѣстными*, то ни тотъ, ни другой выводъ изъ этого нельзя считать выводомъ канонизованнымъ, т. е. такимъ, коему непременно должно слѣдовать; напротивъ, и тотъ и другой выводъ были и могли быть примѣняемы въ отдѣльныхъ случаяхъ. И это примѣненіе зависѣло не столько отъ самого существа обрядовыхъ разностей, сколько отъ иныхъ много-различныхъ *условій*, въ какихъ находилась наша мѣстная церковь въ данное время. Одно только должно къ этому прибавить, что не народъ, или даже низшій клиръ, долженъ этимъ распоряжаться, а тѣ, имже Господь „Церкви поручи“. (Благов. на Лук. зач. 95), т. е. преемники апостольскаго служенія, „иже суть служители величеству смотрѣнія Божія“ (кн. о Вѣрѣ, л. 59), къ коимъ „и относятся слова Христовы: *слушаяй васъ Мене слушаетъ и отметааяся васъ Мене отметаается*“ (Кор. гл. 4, л. 30).

Итакъ, національность или помѣстность нашего обряда не

можетъ давать основаній ни для какихъ опредѣленныхъ выводовъ и непреложныхъ практическихъ требованій.

Слышатся нерѣдко еще такія достойныя вниманія размышленія и сожалѣнія относительно старообрядства. Гонясь за новымъ и свѣтскимъ, мы въ своихъ обычаяхъ пребрегли и оставили многое доброе изъ старой жизни, что и теперь отличаетъ старообрядца отъ новообрядца. Царившая прежде церковность съ неуклоннымъ соблюденіемъ уставовъ уступила мѣсто новымъ, инославнымъ вліяніямъ и совсемъ нерусскимъ привычкамъ, отъ которыхъ и сейчасъ сторонится простой народъ. Исполненіе уставовъ о пищѣ, истовые поклоны, степенная, чуждая франтовства, одежда, большія кіоти съ иконами въ домахъ, кадила, даже лѣстовки и подручники, первое поклоненіе при входѣ въ домъ святымъ иконамъ и проч., и проч., и проч.—все это признаки нашей старины глубокой, и по всему этому старообрядство въ общемъ значеніи этого слова становится любезнымъ многимъ серьезнымъ русскимъ людямъ, на различныхъ степеняхъ общественной лѣстницы стоящимъ... Правда, за все это нельзя не помянуть добрымъ словомъ нашихъ предковъ, — намъ часто кичащимся заморскою наукою! Но оцутительная въ этой симпатіи неопредѣленность въ томъ, что здѣсь смѣшиваются церковные обряды въ строгомъ смыслѣ съ житейскими обычаями. Отъ этого бываетъ, что хвалятъ старообрядство *вообще*, не отличая, что именно въ немъ достойно похвалы. Такое смѣшеніе даетъ возможность людямъ неблагонамѣреннымъ хвалить иногда и то, что далеко похвалы не заслуживаетъ.

3) На ряду съ двумя взглядами: однимъ невѣрнымъ, другимъ неопредѣленнымъ, существуетъ на старообрядство третій взглядъ *церковный*. Сущность этого взгляда состоитъ въ томъ, что обрядъ, какъ вещь средняя, до существа вѣры не относящаяся, *самъ по себѣ*,—будетъ-ли то такой, или иной, старый, или новый, не святъ, ни не святъ, не ведетъ ни къ спасенію, ни къ гибели. Все зависитъ отъ того, какъ кто будетъ относиться къ обряду: будетъ-ли, пользуясь имъ и при его посредствѣ, выражать свои чувства благоговѣнія и богопочтенія, совершенствоваться въ любви къ Богу и смиренію

предъ Его величіемъ и святостію,—уроки котораго будетъ черпать изъ церковныхъ молитвословій и другихъ внѣшнихъ дѣйствій,—или же въ мертвомъ исполненіи обрядовъ будетъ полагать все богоугожденіе, считая это исполненіе не средствомъ а самою цѣлію. Люди послѣдняго направленія были искони вѣковъ и въ большинствѣ весьма часто преобладали надъ людьми направленія перваго. Но должно отмѣтить, что эти люди,—мертвые исполнители обрядовъ, заслуживали отъ имени самого Бога, жесткія обличенія. *Что ми множество жертвъ вашихъ, исполненъ есмь всесожженій овнихъ и тука агнцевъ и крове юнцовъ и козловъ не хочу... Кадила мерзость Ми есть... Новомѣсячій вашихъ и праздниковъ вашихъ ненавиditъ душа Моя.* (Исаія: 1, 11—14). Такъ было въ ветхозавѣтномъ мірѣ, когда съ одной стороны въ людяхъ преобладала форма, видимость надъ духомъ, внѣшнее лишь исполненіе надъ сердечными расположеніями и когда съ другой всѣ внѣшнія учрежденія имѣли божественное установленіе. Въ христіанствѣ, когда возвѣщена міру религія духа (Іоан. IV, 23—24), внѣшняя обрядовая сторона отошла еще болѣе на второй планъ, какъ воспитательное только средство, но отнюдь не цѣль. Первые провозвѣстники Христовой вѣры, самовидцы и служители Слова, утверждая полную неприкосновенность благовѣствованія вѣры (Галат. 1, 8), во внѣшнемъ строѣ церковной жизни заповѣдали лишь благообразіе и порядокъ (Кор. 19, 40),—не установивъ этого благообразія, т. е. самыхъ чиновъ и обрядовъ. Еще болѣе: когда впоследствии стали издаваться разнаго рода правила, касающіяся внѣшняго строя и порядка, одинъ изъ отцевъ церкви, объясняя значеніе этихъ правилъ, писалъ: „правила не образъ смотряють, но изволеніе“ (Св. Василій Великій). То есть, важно не внѣшнее формальное исполненіе правилъ, а сердечное расположеніе. Посему и св. церковь издревле вѣщала и вѣщаетъ своимъ чадамъ о необходимости и важности,—при строгомъ исполненіи внѣшнихъ уставовъ,—внутреннихъ добродѣтелей. „Постящися, братіе, тѣлеснѣ, постимся и духовнѣ: разрѣшимъ всякій союзъ неправды... всякое писаніе неправедное раздеремъ, дадимъ алчущимъ хлѣбъ и нищія безкровныя введемъ въ дома, да примемъ отъ Христа велію милость“ (Стих. въ

среду первой недѣли в. п.). Ибо „постъ не опашніе брашнымъ точію“ (Вторн. веч. стих.). Посему и одинъ изъ современныхъ писателей справедливо сравнилъ обряды съ сосудами, въ коихъ готовится пища. (Архимандритъ Павелъ; собр. соч. т. I, стр. 307). Не пренебрегать этими сосудами намъ нужно, а естественно слѣдуетъ хранить ихъ и совершенствовать, дабы удобнѣе почерпать изъ нихъ пищу.

То, что сказано, проливаетъ уже нѣкоторый свѣтъ,— какъ церковь смотритъ на внѣшнюю, обрядовую сторону вообще и на *старообрядство* въ частности. Здѣсь мы не встрѣтимся уже съ требованіемъ неизмѣнности, или исключительности; здѣсь напротивъ, увидимъ, при требованіи благообразія,—разнообразіе и улучшеніе внѣшнихъ формъ и требованій. Дѣйствительно, на бывшемъ въ 1667 г. соборѣ, разсуждавшемъ не о догматахъ вѣры, а объ обрядахъ, мы и находимъ ясно выраженную точку зрѣнія на старообрядство. Отцы собора 1667 г., утвердивъ исправленные, или измѣненные,— какъ угодно назовите,—при п. Никонѣ обряды и отмѣнивъ нѣкоторые изъ нихъ, Стоглавымъ соборомъ установленные, высказали и развили мысль, что „церковь имѣетъ многія указанія отъ древности преуспѣвать на лучшее. И въ прежнее время соборы безъ всякаго зазора добрѣ исправляли несовершеннѣ изложенная правила отъ прежде бывшихъ соборовъ, исправляли на лучшее даже апостольскія узаконенія. И св. церковь заключали о. о. собора, не стужаетъ о семъ, паче же похваляетъ, и на будущее время образъ подаетъ исправляти другъ друга“. (Дѣян. гл. 10). Тотъ же соборъ утвердилъ и выше упоминаемую грамоту Константинопольскаго патр. Паисія, въ которой, какъ мы видѣли, проводилась мысль о возможности обрядовыхъ разностей между частными церквами.

Итакъ, допущеніе разнообразія, возможность и законность измѣненій или исправленій, при отсутствіи „всякаго зазора“ и при взаимномъ согласіи,—вотъ церковная точка зрѣнія на все то, что до существа вѣры не относится. И этотъ взглядъ не новаго только времени, не 17-го вѣка; онъ проходитъ черезъ всю исторію христіанской Церкви. Древніе учителя церкви по поводу бывшихъ разногласій между церквами кар-

оагенскою и римскою относительно принятія обращающихся отъ новаціанъ, замѣчали, что хотя св. Кипріанъ кареагенскій и держался иного мнѣнія „донелѣ же истина открыся и всея церкви разсужденіемъ утвердися; но извѣстно, яко со Стефаномъ и его наслѣдникомъ Сикстомъ миръ сохрани и единеніе“. (Августинъ. См. у Баронія, и письмо св. Кипріана къ Стефану.) „Кипріанъ въ томъ упорѣ не пребысть, читаемъ у Евсевія, не суть у православныхъ несогласія таковая, какъ у еретиковъ: ибо у еретиковъ всякъ при своемъ упорѣ крѣпко стоитъ, побѣды ища. Православніи же яко голуби, егда истину увидятъ, другъ друга цѣлуютъ“. (Діон. Александрійскій). Обращаясь къ фактическимъ даннымъ изъ исторіи древней церкви, мы видимъ разнообразія въ частныхъ законоположеніяхъ, ихъ измѣненія и исправленія, а иногда и допущеніе исключеній изъ положенныхъ правилъ.

а) Въ первые вѣка христіанства, по 5-му правилу св. апостоль, къ полученію епископскаго сана допускались и люди женатые, шестой же вселенскій соборъ, „прилагая попеченія о преуспѣяніи людей на лучшее, 12-мъ правиломъ постановилъ: „епископу не жити съ женою“. Толковники (Вальсамонъ и Зонара) поясняютъ, что Божественные апостолы при началѣ вѣры снисходительнѣе относились къ тѣмъ, которые приступали къ вѣрѣ, и „епископамъ дозволено было имѣть женъ и послѣ принятія епископскаго сана“, и кто бы захотѣлъ оставить жену „подъ видомъ благоговѣнія“ долженъ быть даже изверженъ изъ сана. (Прав. 5-е и толков. Вальсамона). Шестой же вселенскій соборъ правиломъ 12-мъ устанавливаетъ совсѣмъ иное: предстоятелямъ, т. е. епископамъ, по рукоположеніи онъ воспрещаетъ уже жити купно съ супругами, также подъ угрозою изверженія; и это онъ установилъ по его же словамъ не къ превращенію апостольскаго преданія, но прилагая попеченіе о преуспѣяніи людей на лучшее.

б) 26-е правило св. апостоль только чтецамъ и пѣвцамъ дозволяетъ, по вступленіи въ клиръ, вступать въ бракъ. Между тѣмъ 10-мъ правиломъ помѣстнаго анкирскаго собора было постановлено, что и „поставляемые во діаконы, аще при самомъ постановленіи засвидѣтельствовали, и объявили, что они имѣютъ нужду оженитися, таковыя послѣ сего оже-